

Научная статья

УДК 811.161.1; 81'42

DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-11-29

**Диалектика времени в тексте:
элементы техники традиционного нарратива ***

Михаил Яковлевич Дымарский

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

dym2005@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1796-7686>

Аннотация

Рассмотрены модели темпоральной структуры сложного синтаксического целого как базовой строевой единицы повествовательного текста. Сложное синтаксическое целое понимается как группа формально законченных высказываний, объединенных вокруг единого смыслового центра. Выделены две первичные модели темпоральной структуры текстового фрагмента: с непрерывным движением времени и с нулевым движением времени. Продемонстрирован принцип образования производных моделей путем контаминации первичных. Показаны контаминации первого порядка (с прерывистым движением времени, с начальным движением времени), второго порядка (с членением сюжетного события на ряд комментированных микрособытий), третьего порядка. Кратко описана языковая техника введения сюжетного события.

* В основу работы положен фрагмент 2-й главы диссертации [Дымарский, 1989], материалы которого в виде статей ранее не публиковались.

© Дымарский М. Я., 2024

Ключевые слова

нарратив, сложное синтаксическое целое, темпоральная структура, сюжетное событие, повествовательная техника

Для цитирования

Дымарский М. Я. Диалектика времени в тексте: элементы техники традиционного нарратива // Критика и семиотика. 2024. № 2. С. 11–29. DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-11-29

Dialectics of Time in Text: Elements of Traditional Narrative Technique

Mikhail Ya. Dymarsky

Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russian Federation

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

dym2005@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1796-7686>

Abstract

The article examines models of temporal structure of a complex syntactic whole (text fragment) as the basic structural unit of a narrative text. Complex syntactic whole is understood as a group of formally completed utterances united around a unified semantic center. Two primary models of the temporal structure of a text fragment are identified: with continuous movement of time and with zero movement of time. The first is intended to describe the dynamics of plot events and is based on the actional rhematic dominant. Pure examples of this type are extremely rare: more often they are complicated by inlaid elementary descriptions, comments, etc. The second model contains descriptions, reasoning, comments, but not plot events. The principle of formation of derivative models by contamination of primary ones is demonstrated. Contaminations of the first level are shown: with intermittent time movement and with initial time movement. The model with intermittent time movement harmoniously combines the change of plot events with commentary on them. The initial time movement model highlights one event and then comments on it. Second-level contamination is the division of a plot event into a series of commented micro-events. In third-level contaminations, a plot event is introduced at the beginning or some general thesis is formulated, and in subsequent utterances a chain of small plot events with possible comments is given, which, in turn, is entirely a revealing commentary in relation to the beginning. The language technique for introducing a plot event is briefly described.

Keywords

narrative, complex syntactic whole, temporal structure, plot event, narrative technique

For citation

Dymarsky M. Ya. Dialectics of Time in Text: Elements of Traditional Narrative Technique. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2024, no. 2, pp. 11–29. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-11-29

Вводные замечания

Как давно замечено, выделяются два основных типа фрагментов повествовательного текста, противопоставленных друг другу по признаку отношения к сюжетно-временной организации текста: 1) с непрерывным движением времени и 2) с нулевым движением времени. Имеется в виду движение сюжетного времени. Всякое изменение описываемого положения дел, фиксируемое в следующий (новый) момент сюжетного времени, признаётся сюжетным событием; не всякое сюжетное событие является фабульным: например, ниже в примерах (1), (2) ни одна фраза не выражает фабульного события, но в каждой из них отражено событие сюжетное; однако финальная фраза примера (3) повествует как раз о фабульном событии (подробнее см.: [Дымарский, 2001, с. 173–186; 2004]).

Фрагменты повествовательного текста, объединенные общей микротемой, в качестве которой может выступать одно сюжетное событие, описание одного лица, интерьера и т. п., описание реакции персонажа (персонажей) на некоторое событие и мн. др., удобно именовать сложными синтаксическими целыми (далее – ССЦ). ССЦ понимается как «строевая единица текста, представляющая собой группу формально законченных высказываний, объединенных вокруг единого смыслового центра. Главная идея, лежащая в основе организации ССЦ – “содружество предложений”, “несколько об одном”, то есть ряд высказываний, посвященных одной (микро-)теме» [Ильенко и др., 2018, с. 361–362].

ССЦ является идеальной моделью текста: все основные закономерности организации второго наблюдаются в первом; именно в ССЦ, в частности, совершается в своих элементарных проявлениях жизнь нарратива. Ниже описываются основные виды темпоральной структуры ССЦ, которые можно считать элементами техники традиционного нарратива.

1. ССЦ с непрерывным движением времени

В ССЦ с непрерывным движением времени (обозначим их условно *F* ‘time flows’ = ‘время течет’) количество сюжетных событий равно количеству самостоятельных высказываний (не учитываются, в общем случае, придаточные). Такие фрагменты текста повествуют о динамично развивающихся ситуациях, имеют акциональную рематическую доминанту и исключают (или почти исключают) какие-либо комментарии в самостоятельных высказываниях (но только в самостоятельных; исключение могут составлять изъяснительные придаточные):

- (1) Через пять минут Нина вышла. Бобров выдвинулся из тени и преградил ей дорогу. Нина слабо вскрикнула и отшатнулась (А. И. Куприн. Молох).

Примеры, подобные (1), где сообщается исключительно о «голых» фактах и отсутствуют словесно выраженные компоненты, прямо связывающие повествуемое с концептуальной основой содержания текста, крайне малочисленны. В корпусе материала, составившем основу настоящей работы и насчитывающем ок. 3 100 текстовых фрагментов из произведений русской литературы XIX и первой половины XX в., такие примеры составляют ок. 1‰ (промилле!) от общего количества примеров с инициальным темпоральным детерминантом.

Типичны же случаи, когда неуклонно продвигающееся вперед повествование содержит концептуально значимые элементы смысла, заключенные в распространителях, в том числе осложняющих, и в придаточных (но не в отдельных высказываниях):

- (2) Желтков, совершенно растерявшись, опустился вдруг на диван и пролепетал омертвевшими губами: «Прошу, господа, садиться». Но, должно быть, вспомнил, что уже безуспешно предлагал то же самое раньше, вскочил, подбежал к окну, теребя волосы, и вернулся обратно на прежнее место. И опять его дрожащие руки забегали, теребя пуговицы, щипля светлые рыжеватые усы, трогая без нужды лицо (А. И. Куприн. Гранатовый браслет).

Элементарные описания, инкрустированные в это довольно жестко организованное повествование (*совершенно растерявшись, омертвевшими губами, теребя волосы, дрожащие, теребя пуговицы* и др.), создают образ, который очень скоро обнаружит свою обманчивость: в жалком, по первому впечатлению, человеке проснутся достоинство и гордость («Он положил руки в карманы, сел удобно в угол дивана, достал портсигар и спички

и закурил...»): нет необходимости доказывать, что эта метаморфоза прямо связана с концептуальной основой текста.

В ССЦ типа *F*, изображающих взаимодействие двух субъектов, между предикатами, составляющими акциональную рематическую доминанту, типичны логические отношения импликации – в том смысле, что каждый следующий предикат обусловлен предыдущими, имплицирован ими (ср. также (1)):

- (3) Тем не менее в сентябре следующего года полицмейстер попросил у Кукишева заимообразно тысячу рублей, и Кукишев имел неблагоприятное отношение отказать. Тогда полицмейстер начал о чем-то перешептываться с товарищем прокурора («Оба у меня шампанское каждый вечер лакали!» – показывал впоследствии на суде Кукишев). И вот, 17 сентября, в годовщину кукишевских «любвей», когда он вместе с прочими вновь праздновал именины Любиньки, прибежал гласный из городской управы и объявил Кукишеву, что в управе собралось присутствие и составляется протокол.

– Стало быть, «дебёт» нашли? – довольно развязно воскликнул Кукишев и без дальних разговоров последовал за посланным в управу, а оттуда в острог (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Имплицативные отношения между предикатами не подразумевают полной предсказанности последующего предыдущим; но частичная предсказанность имеет место: во-первых, потому, что последующее сюжетное событие является реакцией персонажа на предшествующее, а количество возможных реакций в традиционном нарративе конечно (если это не «Записки сумасшедшего»); во-вторых, потому, что действия каждого из субъектов диктуются определенной логикой – ср. в (3) действия полицмейстера в ответ на отказ Кукишева в займе как продолжение линии, начатой его первым действием – просьбой. Реакция может быть более ожидаемой и менее ожидаемой: чем менее она ожидаема, тем выше ее значимость и влияние на дальнейшее развитие событий. Неожиданная реакция всегда событийна (в том числе в фабульном измерении); вообще, неожиданность является стержнем нарратива, ср. (1).

Изображенное событие может быть и ложным ходом, не получающим никакого продолжения, как в (4), где писатель Осокин настолько поглощен своими невеселыми переживаниями, что оставляет практически без внимания микрособытие из тех, что обычно расценивают как начало важного сюжетного поворота – иначе зачем останавливать внимание читателя на том, как незнакомая девушка с «детски ясными глазами» сначала делает

вид, что писатель ей безразличен, а затем вспыхивает от «радостного смущения»?

- (4) Наконец Осокин добрался до стола и попросил два стакана чаю. Стоявшая рядом девушка в голубой кофточке, перетянутой широким кожаным поясом, обернулась на звук его голоса, узнала Осокина и, сделав безразличное лицо, быстро отвернулась. Распорядительница налила два стакана; Осокин потянулся к ним мимо своей соседки. С тем же неестественным безразличным лицом девушка взяла стаканы и передала их Осокину, своими озабоченно нахмуренными бровями показывая, что ей до него нет решительно никакого дела. И вдруг, в последний момент, когда Осокин брал из ее рук стаканы, девушка вспыхнула, в ее детски ясных глазах мелькнуло радостное смущение, и она быстро опустила глаза (В. В. Вересаев. На эстраде).

Ноль продолжения этой линии, собственно, и позволяет оценить глубину переживаний героя.

Таким образом, хотя на уровне базовой семантики в ССЦ типа *F* доминирует хронологический субстрат, существенный компонент смысла ССЦ составляют связи имплицативного типа между предикатами, имеющие логическую природу.

Довольно типичны также случаи полного «разделения труда» между главными и придаточными частями высказываний, формирующих ССЦ: первые фиксируют движение времени в сюжетных событиях, во вторых заключено главное содержание этих событий:

- (5) Вечером этого же дня я написала Сергею Николаевичу письмо, что между нами все кончено, что хотя я и люблю его, но вижу полную невозможность нашего брака. Это письмо я отдала Льву Николаевичу. Я получила длинный ответ от Сергея Николаевича, в котором он просил меня не возвращать слово, что время все уладит, и что он по-прежнему меня любит (Т. А. Кузминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне).

2. ССЦ с нулевым движением времени

В ССЦ с нулевым движением времени (обозначим их условно *S* ‘time stops / stands still’ = ‘время останавливается’) количество сюжетных событий равно нулю; изображение событий полностью уступает место комментариям, описаниям, рассуждениям:

- (6) Анна вся состояла из веселой безалаберности и милых, иногда странных противоречий. Она охотно предавалась самому рискованному флирту

во всех столицах и на всех курортах Европы, но никогда не изменяла мужу, которого, однако, презрительно высмеивала и в глаза и за глаза; была расточительна, страшно любила азартные игры, танцы, сильные впечатления, острые зрелища, посещала за границей сомнительные кафе, но в то же время отличалась щедрой добротой и глубокой, искренней набожностью, которая заставила ее даже принять тайно католичество. У нее были редкой красоты спина, грудь и плечи. Отправляясь на большие балы, она обнажалась гораздо больше пределов, дозволяемых приличием и модой, но говорили, что под низким декольте у нее всегда была надета власяница (А. И. Куприн. Гранатовый браслет).

В текстовых фрагментах типа *S* хронологический субстрат не функционирует; его место занимает субстрат логический – и кроме него возможен ассоциативный. В (6) логический субстрат, как нетрудно видеть, сводится к ряду противопоставлений, заданных в зачине (*состояла из... противоречий*). Связи между предикатами, формирующими рематическую доминанту, здесь не носят имплицативного характера, так как каждый следующий предикат определяется не предыдущим (за исключением противопоставленных пар предикатов), а логикой или ассоциациями, за которыми стоит автор текста. Вот еще один характерный пример:

- (7) Теперь оба уже уяснили себе содержание этого ощущения странности. Нездоровье матери и ее предчувствие, тревожная нежность отца, воспоминание о смерти тети Кати, потом это необычайное движение, говор и топот шагов на той половине, и чей-то плач, и чьи-то стоны, – все это было сведено к одному и получило форму. Несмотря на сомнительный авторитет лавочника Мошка, даже скептический Марк не находил возражений против теории, только что развитой Голованом. Новая жизнь готовилась войти в их дом, а идущая с ней об руку смерть простерла над домом свои темные крылья; вместе с слабым стоном матери, ее веяние пахнуло в детские души состраданием и ужасом (В. Г. Короленко. Ночь).

Наиболее распространены, однако, не продемонстрированные базовые функциональные типы, а их контаминации. Именно применительно к контаминированным типам целесообразно говорить о диалектике времени в тексте. Она проявляется не только в разнообразных чередованиях движения и остановок времени, но и в приобретении компонентами текста (высказываниями и их мелкими группами) вторичных функций – например, когда компонент с событийным значением выполняет комментирующую

щую функцию, что регулярно встречается в контаминациях второго и третьего порядков.

3. Контаминации первого порядка

3.1. ССЦ с прерывистым движением времени $F(S)$ тяготеют к типу F и наиболее распространены в художественном нарративе. Количество сюжетных событий N_c в этом типе меньше количества высказываний N_v , но при этом больше двух или равно двум ($2 \leq N_c < N_v$). Ситуация отображается в динамике, но в некоторые моменты сюжетное время приостанавливается для сообщения деталей, комментирования, описаний и т. п. (в примерах соответствующие отдельные высказывания подчеркнуты):

- (8) Вечером, приехав на дачу, Василий Львович передал жене очень точно все подробности свидания с Желтковым. Он как будто бы чувствовал себя обязанным сделать это.

Вера хотя была встревожена, но не удивилась и не пришла в замешательство. Ночью, когда муж пришел к ней в постель, она вдруг сказала ему, повернувшись к стене:

– Оставь меня, – я знаю, что этот человек убьет себя (А. И. Куприн. Гранатовый браслет);

- (9) И оба подхватили администратора под руки, выволокли его из сада и понесли с ним по Садовой. Гроза бушевала с полной силой, вода с грохотом и воем низвергалась в канализационные отверстия, всюду пузырилось, вздувались волны, с крыш хлестало мимо труб, из подворотней бежали пенные потоки. Все живое смылось с Садовой, и спасти Ивана Савельевича было некому. Прыгая в мутных реках и освещаясь молниями, бандиты в одну секунду доволокли полуживого администратора до дома № 302-бис, влетели с ним в подворотню, где к стенке жались две босоногие женщины, свои туфли и чулки державшие в руках. Затем кинулись в шестой подъезд, и близкий к безумию Варенуха был вознесен в пятый этаж и брошен на пол в хорошо знакомой ему полутемной передней квартиры Степы Лиходеева (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

3.2. ССЦ с начальным движением времени $[F:]S$ тяготеют, наоборот, к типу S . Зачин таких фрагментов содержит сообщение о сюжетном событии, после чего движение времени останавливается, уступая место комментарию. Стоит подчеркнуть, что речь идет именно о сюжетном событии, в качестве которого в (10) подано наступление у персонажа нового состояния, а в (11) – рутинная форма взаимного приветствия близких род-

ственников, в фиксации которой самое важное слово – *радостно*, которое, как кажется, и мотивируется всем содержанием последующего фрагмента:

- (10) Вдруг все ему (Резцову. – *М. Д.*) стало противно. Все кругом было серо, скучно и глупо. Погас огонек, освещавший изнутри душу. Холод все глубже вбирался в тело. И болела голова. И стыли неподвижные ноги (В. В. Вересаев. В мышеловке);
- (11) Сестры радостно поцеловались. Они с самого раннего детства были привязаны друг к другу теплой и заботливой дружбой. По внешности они до странного не были схожи между собою. Старшая, Вера, пошла в мать, красавицу-англичанку, своей высокой гибкой фигурой, нежным, но холодным и гордым лицом, прекрасными, хотя довольно большими руками и той очаровательной покатостью плеч, какую можно видеть на старинных миниатюрах.

Младшая – Анна, – наоборот, унаследовала монгольскую кровь отца, татарского князя, дед которого крестился только в начале XIX столетия и древний род которого восходил до самого Тамерлана, или Ланг-Темира, как с гордостью называл ее отец, по-татарски, этого великого кровопийцу. Она была на полголовы ниже сестры, несколько широкая в плечах, живая и легкомысленная, насмешница <...> (А. И. Куприн. Гранатовый браслет).

4. Контаминации второго порядка

Контаминации второго порядка наблюдаются в **текстовых фрагментах с членением сюжетного события на ряд комментированных микрособытий**: [F:] F (S). Общий замысел таких фрагментов состоит в создании впечатления строгого следования за реальным ходом вещей: событие констатируется не раньше, чем факт события становится ясен персонажу, однако предвестия события тщательно фиксируются. Одно из наиболее последовательных воплощений этой установки – «Смерть Ивана Ильича» Л. Н. Толстого. Начальное событие (ему соответствует символ [F:]) при этой установке, которую можно также назвать *введением в событие*, может представлять собой подлинное сюжетное (но не фабульное) событие, а может быть и квазисобытием, как в (12): в последнем случае, как и при введении подлинного события, используется типичная событийная конструкция, которая открывается, например, наречием *Однажды* – но ни о каком событии на самом деле не сообщает. Она лишь информирует читателя о надвигающемся событии. Такой зачин фиксирует точку зрения в обобщенных для данной ситуации пространственно-временных координатах,

а далее перед читателем как бы проходят несколько укрупненных кадров – микрособытий (F), связанных единой временной осью, причем создатель текста волен остановить и прокомментировать (S) любой «кадр». Для удобства введем в текст примера эти обозначения:

- (12) $[[F:]]$ Однажды я провел таким образом около Олеси целый день.
 $[F_1]$ Уже с утра я себя чувствовал нехорошо, хотя еще не мог ясно определить, в чем заключалось мое нездоровье. $[F_2]$ К вечеру мне стало хуже. $[(S)]$ Голова сделалась тяжелой, в ушах шумело, в темени я ощущал тупую беспрестанную боль, – точно кто-то давил на него мягкой, но сильной рукой. Во рту у меня пересохло, и по всему телу постоянно разливалась какая-то ленивая, томная слабость, от которой каждую минуту хотелось зевать и тянуться. В глазах чувствовалась такая боль, будто бы я только что пристально и близко глядел на блестящую точку.
 $[F_3]$ Когда же поздним вечером я возвращался домой, то как раз на середине пути меня вдруг схватил и затряс бурный приступ озноба. $[(S)]$ Я шел, почти не видя дороги, почти не сознавая, куда иду, и шатаюсь, как пьяный, между тем как мои челюсти выбивали одна о другую частую и громкую дробь (А. И. Куприн. Олеся).

В зачине подобных фрагментов может, разумеется, фигурировать и действительное событие, хотя по отношению к событию фабульному оно играет подчиненную роль:

- (13) $[[F:]]$ С отъездом сирот погорелковский дом окунулся в какую-то безнадежную тишину. $[(S)]$ Как ни сосредоточенна была Арина Петровна по природе, но близость человеческого дыхания производила и на нее успокоительное действие. $[F_1 (S)]$ Проводивши внучек, она, может быть, в первый раз почувствовала, что от ее существа что-то оторвалось и что она разом получила какую-то безграничную свободу, до того безграничную, что она уже ничего не видела перед собой, кроме пустого пространства. $[F_2]$ Чтоб как-нибудь скрыть в собственных глазах эту пустоту, она распорядилась немедленно заколотить парадные комнаты и мезонин, в котором жили сироты («кстати, и дров меньше выходить будет», – думала она при этом), а для себя отделила всего две комнаты, из которых в одной помещался большой киот с образами, а другая представляла в одно и то же время спальную, кабинет и столовую. Прислугу тоже, ради экономии, распустила, оставив при себе только старую, едва таскающую ноги ключницу Афимьюшку да одноглазую солдатку Марковну, которая готовила кушанье и стирала белье. $[F_3]$ Но все эти предосторожности помогли мало: ощущение пустоты не замедлило проникнуть и в те две комнаты, в которых она думала отгородиться от него. $[(S)]$ Беспомощное одиночество и унылая праздность – вот два

врага, с которыми она очутилась лицом к лицу и с которыми отныне обязывалась коротать свою старость. А вслед за ними не заставила себя ждать и работа физического и нравственного разрушения, работа тем более жестокая, чем меньше отпора дает ей праздная жизнь (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Главное событие, в сущности, сформулировано Щедриным в последней фразе (13), но об этом событии невозможно говорить ни как о сюжетном, ни как о фабульном в обычном смысле слова. Особенность «Господ Головлевых», отличающая их, например, от «Дневника провинциала в Петербурге», в том, что автор прямо вводит в текст интерпретацию собственно фабульных событий – причем такую интерпретацию, которая уместна, скорее, в критическом разборе романа: из этих интерпретаций складывается, так сказать, комментирующая фабула, существующая параллельно с фабулой непосредственных событий жизни семейства Головлевых и представляющая собой квинтэссенцию концепции автора, лежащей в основе произведения. За фразой о работе физического и нравственного разрушения угадывается едва ли не бесконечная цепь непосредственных микрособытий существования Арины Петровны, так что эта фраза представляет собой обобщающую интерпретацию этих микрособытий. Примеров подобных обобщений в тексте романа достаточно, и каждое подобное обобщение может быть интерпретировано как событие комментирующей фабулы. Приведем два примера, выбранных практически наугад, – их, конечно, может быть больше:

Признаки нравственного отрезвления, появившиеся было в те часы, покуда он приближался проселком к Головлеву, вновь куда-то исчезли. Легкомыслие опять вступило в свои права, а вместе с тем последовало и примирение с «маменькиным положением». Будущее, безнадежное и безвыходное, однажды блеснувшее его уму и наполнившее его трепетом, с каждым днем все больше и больше заволакивалось туманом и, наконец, совсем перестало существовать (о Степке-балбесе, глава «Семейный суд»);

Прошло не больше десяти лет с тех пор, как мы видели их, а положения действующих лиц до того изменились, что не осталось и следа тех искусственных связей, благодаря которым головлевская семья представлялась чем-то вроде неприступной крепости. Семейная твердыня, воздвигнутая неутомимыми руками Арины Петровны, рухнула, но рухнула до того незаметно, что она, сама не понимая, как это случилось, сделалась соучастницей и даже явным двигателем этого разрушения, настоящею душою которого был, разрушитель, Порфишка-кровопивец (глава «По-родственному»).

Обобщения, безусловно, не являются уникальной особенностью нарратива «Господ Головлевых». Но трудно назвать другое произведение (включая даже «Войну и мир»), в котором обобщения столь последовательно получали бы прямое словесное выражение и столь же последовательно складывались в комментирующую фабулу, а лучше сказать – в **метафабулу**¹. Причина представляется ясной: метафабула присутствует в любом нарративе (хорошем), но преимущественно (или исключительно) латентно; прямое же и последовательное словесное ее воплощение неизбежно ставит произведение на грань художественности и философии или социологии, или публицистики и т. д. (недаром Толстой отказывался кратко излагать свою концепцию «Анны Карениной»). Щедрина удалось неведомым образом избежать вырождения художественности, потому случай «Господ Головлевых» и представляется уникальным.

5. Контаминации третьего порядка

Контаминации третьего порядка наблюдаются в текстовых фрагментах, в зачине которых вводится несомненное фабульное событие или формулируется некоторый общий тезис $[F:]$, а в последующих высказываниях приводится цепь мелких сюжетных событий с возможными комментариями $F(S)$, которая, в свою очередь, целиком является раскрывающим комментарием по отношению к зачину, так что общая формула фрагмента принимает вид $[F:] [F(S)]_S$. Движение точки зрения и смещения фокуса эмпатии говорящего в этом случае еще более явны (вообще, чем сложнее повествовательная структура, тем в большей степени она нацелена на удовлетворение читательского интереса). Для удобства восприятия дадим пример с левым и правым контекстами, заключив их в угловые скобки:

¹ Понятие метафабулы не является новым. Этим термином, вкладывая в него отчасти сходные (но в каждом случае различающиеся) смыслы, пользуются, например, Ю. Л. Глобова [2000], В. К. Зубарева [2022], Е. Сошкин [2015], В. М. Яценко [2014] и мн. др. исследователи. М. Ю. Оганисьян пишет: «Это понятие параллельно понятию “архесюжета”, но, в отличие от последнего, “метафабула” представляет собой некую имманентную формулу, концентрирующую основные особенности определенной культурной системы, особую нарративную модель, которая более или менее четко, зависимо или независимо от воли художника просвечивает во всех художественных образцах данной системы» [Оганисьян, 1990, с. 43]. В данном случае под метафабулой подразумевается формула, имманентная творчеству одного художника.

- (14) <Увы! я не только подал руку, но даже проникся благоговением к великодушию прекрасных молодых людей, которые простили моему недостойнству. Я и не подозревал, что у них уже созрел план более обширный: план окончательно выжить меня из «заведения».>

[F:] В следующее же воскресенье план этот был выполнен. [[S] Я не знаю, как это случилось; помню только, что [F] мы кутили где-то в задней комнате какой-то фруктовой лавки и что я, [S] чтобы загладить мое недавнее недостойное поведение, пил вдвое больше против обыкновенного. Со мной шутили, меня поощряли [F] и затем, напившись допьяна, предательски оставили одного. Вечером я был привезен в «заведение» в сопровождении квартального надзирателя в бесчувственном положении.]_S

<Через неделю я был в Вышневолоцком уезде, в деревне Проплеванной, и выслушивал выговоры раздраженного отца...> (М. Е. Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге).

Стоит обратить внимание на то, что часть сюжетных микрособытий здесь смещена в изъяснительные придаточные. Причина в том, что развитие действия приведет героя к состоянию беспамятства («в бесчувственном положении»), чем актуализируется модусная рамка воспоминания (*не знаю, как...; помню только, что...*). Существенна и плотность имплицативных связей между предикатами, формирующими рематическую доминанту фрагмента: *кутили – пил вдвое больше обыкновенного – шутили – поощряли – оставили одного – был привезен... в бесчувственном положении*. Каждый из них, как и их цепочка в целом, прямо связан отношением обусловленности с финальной ремой фрагмента в левом контексте: *план окончательно выжить меня из «заведения»*.

Сходен с (14) и следующий пример, хотя в нем констатировать столь высокую плотность имплицативных связей нельзя:

- (15) Потом случилось что-то странное. Ромашову показалось, что он вовсе не спал, даже не задремал ни на секунду, а просто в течение одного только момента лежал без мыслей, закрыв глаза. И вдруг он неожиданно застал себя бодрствующим, с прежней тоской на душе. Но в комнате уже было темно. Оказалось, что в этом непонятном состоянии умственного оцепенения прошло более пяти часов (А. И. Куприн. Поединок).

Роль первого компонента структуры [F:] [F (S)]_S может играть довольно развернутый фрагмент, а не единичное высказывание, как в примерах (14) и (15), вводиться же первым компонентом может не фабульное событие, а тезис, но важно, что модуль F (S), т. е. цепочка событийных выска-

зываний, произвольно перемежающихся комментирующими, выполняет по отношению к компоненту $[F:]$ ту же – раскрывающую – функцию. Эта ситуация типична для текстов (или их фрагментов), в основе которых лежит логический субстрат, – очерков, отступлений в виде размышлений, поучений, учебных текстов и т. п. В (16) модуль $[F(S)]_S$ с раскрывающей функцией занимает второй абзац: в зачине первого абзаца сформулирован тезис, остальная часть первого абзаца служит экспозицией к повествованию «истории», во втором же абзаце следует сама «история», служащая обоснованием тезиса:

(16) Но иногда приходится наблюдать и удивительное собачье благородство по отношению к слабым. У нашей моськи Бэлы, о которой я дальше расскажу, был в молодости брат, Нарзан, задорный и самоуверенный, из породы крыловских мосек. На дворе же в тульском нашем доме был цепной пес – лохматый, белый, чудовищной величины. Звали его Дворняк. На ночь его спускали с цепи, он на свободе бегал по двору и по саду и густым своим лаем должен был отпугивать воров.

Вот раз как-то вечером дворник спустил Дворняка с цепи раньше обычного. Он вбежал в сад. Виляя хвостом, подбежал к нам. Вдруг на него с грозным лаем бросился дурак Нарзан, прямо бросился на него, чуть не чтобы драться. Дворняк рявкнул и мгновенно подмял под себя Нарзана. Мы замерли: конец Нарзану! Замер от ужаса и сам Нарзан, прижатый спиной к земле могучими лапами Дворняка. А Дворняк, оскалив над Нарзаном ужасную пасть, подержал его с минуту под своими лапами и, не тронув зубом, отпустил. Знай, мол, вперед, на кого бросаться, а я об тебя пачкаться не хочу (В. В. Вересаев. Друзья в масках).

О распространенности этой модели организации повествования косвенно свидетельствует тот факт, что именно она использована в следующем фрагменте:

(17) Сегодняшнего дня случилось необыкновенное приключение. Я встал поутру довольно поздно, и когда Мавра принесла мне вычищенные сапоги, я спросил, который час. Услышавши, что уже давно било десять, я поспешил поскорее одеться. Признаюсь, я бы совсем не пошел в департамент, зная заранее, какую кислую мину сделает наш начальник отделения. Он уже давно мне говорит: <...> (Н. В. Гоголь. Записки сумасшедшего. Октября 3).

Любопытствуя, в чем же состояло «необыкновенное приключение», читатель вынужден прочитать первую главу повести до конца, пробираясь сквозь постоянно возникающие рассуждения о побочных предметах,

из которых Поприщину пока еще удается возвращаться к главной линии повествования. Побочные ответвления внешне оформлены безукоризненно – как стандартная тематизация предшествующей ремы (или ее фрагмента): *начальник отделения – он...; с казначеем – он...; выпросить <...> хоть сколько-нибудь из жалованья вперед – не понимаю выгод служить в департаменте* (дистантная тематизация); *только наш брат чиновник – Что за бестия наш брат чиновник!* и т. д. Рассказчик невольно пародирует излюбленную модель организации повествования и самого Гоголя, и в целом русского классического нарратива середины XIX в., лишь слегка преувеличивая степень свободы отклонений от основной темы (поскольку несомненное сумасшествие еще впереди).

6. Элементы техники введения сюжетного события

Рассмотренные контаминированные типы темпорально-повествовательных структур демонстрируют значительные возможности варьирования. Тот факт, что в контаминациях третьего порядка позицию организующего фрагмента первого компонента [F:] может занимать высказывание (и даже ряд высказываний) отнюдь не событийного характера, следует, видимо, трактовать в том смысле, что важна не столько событийная семантика такого высказывания, сколько его роль в текстовой иерархии тем и подтем – подчас весьма многоуровневой. Переход к новому событию – это частный случай перехода к новой подтеме. Он оформляется простым комплексом средств: темпоральный детерминант фиксирующего типа плюс глагольная форма совершенного вида; как правило, акцентоноситель ремы такого зачина представляет собой выражение с сильной проспективной валентностью, поскольку требует пояснений в силу слишком обобщенной семантики.

Темпоральные детерминанты фиксирующего типа противопоставлены детерминантам охватывающего типа: первые называют точку на временной оси (*вдруг, после X, однажды, через неделю, затем, сегодня, на следующий день* и т. п.), вторые называют интервал, в течение которого длится какое-то состояние или происходят какие-то события (*с утра, в этом месяце, весь день, за год* и т. п.). Фиксирующий или охватывающий характер детерминанта определяется его соотношением с событийной цепочкой: в первом случае к моменту, названному детерминантом, относится только первое событие, во втором вся она охватывается временным отрезком, который назван детерминантом. В выписанных ниже зачинах рассмотренных

примеров наблюдаем именно фиксирующие детерминанты (они подчеркнуты). Компоненты рем, прогнозирующие конкретизацию, выделены полужирным:

- (10.1) Вдруг все ему **стало противно**;
- (12.1) Однажды я **провел** таким образом около Олеси **целый день**;
- (13.1) С отъездом сирот погорелковский дом окунулся в **какую-то безнадежную тишину**;
- (14.1) В следующее же воскресенье **план этот был выполнен**;
- (15.1) Потом случилось **что-то странное**;
- (17.1) Сегодняшнего дня случилось **необыкновенное приключение**.

В приведенный ряд не вписываются только два зачина с начальным компонентом *F*:

- (11.1) Сестры радостно поцеловались;
- (16.1) Но иногда приходится наблюдать и **удивительное собачье благородство** по отношению к слабым.

В (11.1) отсутствует детерминант, поскольку он уже есть в левом контексте, в предшествующем предложении: *Через несколько минут у дачных ворот круто остановился изящный автомобиль-каreta, и шофер, ловко прыгнув с сиденья, распахнул дверцу*. Читателю уже до этого сообщено, что Вера ждет сестру, что она узнала звук клаксона ее автомобиля издалека и не ошиблась. Но главное отличие этого зачина заключается в том, что начальное микрособытие является в (11) не только первым, но и последним, уступая место описанию сестер, которое если и имеет какую-то функцию по отношению к зачину, то только в том отношении, что поясняет, почему сестры поцеловались радостно.

В (16), напротив, раскрывающая функция всего фрагмента по отношению к зачину несомненна, но текст относится к другому жанру, внутри которого нарратив является вставкой. Поэтому детерминант здесь не участвует в противопоставлении фиксирующего / охватывающего типов, а использованные глагольные формы – несовершенного вида в узуальном значении. Однако обобщенный характер группы *удивительное собачье благородство*, являющейся акцентоносителем ремы, здесь также требует раскрытия, что и происходит в дальнейшем.

Заключительное замечание

Любой фрагмент повествовательного текста, если это не самостоятельное свободное высказывание, имеет определенную темпоральную структуру, которая может быть и предельно проста, как в двух базовых типах *F* и *S*, и весьма прихотлива. Показанные контаминации, по-видимому, не исчерпывают всех возможностей варьирования темпоральной структуры текстового фрагмента, но демонстрируют векторы варьирования – и порожденные им наиболее распространенные, типичные для русской повествовательной прозы модели. Повествование всегда держится на диалектике движения и остановок времени, и владение этой диалектикой составляет важный компонент техники традиционного нарратива.

Список литературы

Глобова Ю. Л. Поэтика сборника рассказов В. Набокова «Возвращение Чорба» (1930): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2000. 22 с.

Дымарский М. Я. Еще раз о понятии сюжетного события // Алфавит. Строение повествовательного текста. Синтагматика. Парадигматика. Смоленск: СГПУ, 2004. С. 139–151.

Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). 2-е изд., испр. и доп. М.: УРСС, 2001. 328 с.

Дымарский М. Я. Сложное синтаксическое целое в функциональном аспекте (на материале конструкций с локальным / темпоральным детерминантом в инициальной позиции): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989. 300 с.

Зубарева В. К. В поисках «встречного течения». Метасюжет «Евгения Онегина» // Вопросы литературы. 2022. № 1. С. 13–55.

Ильенко С. Г., Дымарский М. Я., Мартыанова И. А., Столярова И. В. Современный русский язык. Синтаксис: Учебник и практикум для академического бакалавриата / Под общ. ред. С. Г. Ильенко; отв. ред. М. Я. Дымарский. М.: Юрайт, 2018. 391 с.

Оганисьян М. Ю. «Магический куб» Кальдерона (Поэтика драмы «Поклонение кресту») // Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 879. Труды по метрике и поэтике. Поэтика жанра и образа. Тарту, 1990. С. 42–52.

Сошкин Е. К источникам рассказа Набокова «Картофельный эльф» // НЛО. 2015. № 5 (135). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2015/5/k-is-tochnikam-rasskaza-nabokova-kartofelnyj-elf.html> (дата обращения 21.01.2024).

Яценко В. М. История зарубежной литературы второй половины XX века. [2014]. URL: <https://litresp.ru/> (дата обращения 21.01.2024).

References

Dymarsky M. Ya. Eshche raz o ponyatii syuzhetnogo sobytiya [Once again on the notion of a plot event]. In: Alfavit. Stroenie povestvovatel'nogo teksta. Sintagmatika. Paradigmatika [Alphabet. The structure of a narrative text. Syntagmatics. Paradigmatics]. Smolensk, Smolensk State Pedagogical Uni. Press, 2004, pp. 139–151. (in Russ.)

Dymarsky M. Ya. Problemy tekstoobrazovaniya i khudozhestvennyi tekst (na materiale russkoi prozy XIX–XX vv.) [Problems of text formation and literary text (based on Russian prose of the 19th – 20th centuries)]. 2nd ed., corr. and suppl. Moscow, URSS Publ., 2001, 328 p. (in Russ.)

Dymarsky M. Ya. Slozhnoe sintaksicheskoe tseloe v funktsional'nom aspekte (na materiale konstruksii s lokal'nym / temporal'nym determinantom v initsial'noi pozitsii) [Complex syntactic whole in the functional aspect (based on constructions with a local / temporal determinant in the initial position)]. Candid. Philol. Sci. Diss. Leningrad, 1989, 300 p. (in Russ.)

Globova Yu. L. Poetika sbornika rasskazov V. Nabokova “Vozvrashchenie Chorba” (1930) [Poetics of V. Nabokov’s collection of stories “Vozvrashchenie Chorba” (1930)]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Samara, 2000, 22 p. (in Russ.)

Ilenko S. G., Dymarsky M. Ya., Martyanova I. A., Stolyarova I. V. Sovremennyy russkii yazyk. Sintaksis [Modern Russian language. Syntax]. Textbook and workshop for academic bachelor's degree. Ed. by S. G. Ilenko, M. Ya. Dymarskiy. Moscow, Urait Publ., 2018, 391 p. (in Russ.)

Oganisyan M. Yu. “Magicheskii kub” Kalderona (Poetika dramy “Poklonenie krestu”) [Calderon’s “Magic Cube” (Poetics of the drama “Adoration of the Cross”)]. In: Scientific notes of the University of Tartu. Iss. 879. Works on metrics and poetics. Poetics of genre and image. Tartu, 1990, pp. 42–52. (in Russ.)

Soshkin E. K istochnikam rasskaza Nabokova “Kartofel'nyi elf” [To the sources of Nabokov’s story “The Potato Elf”]. *New literary review [NLO]*, 2015, no. 5 (135). (in Russ.) URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2015/5/k-istochnikam-rasskaza-nabokova-kartofelnyj-elf.html> (accessed 21.01.2024).

Yatsenko V. M. Istoriya zarubezhnoy literatury vtoroy poloviny XX veka [History of foreign literature of the second half of the 20th century]. [2014]. URL: <https://litresp.ru/> (accessed 21.01.2024).

Zubareva V. K. V poiskakh “vstrechnogo techeniya”. Metasyuzhet “Evgeniya Onegina” [Looking for a “countercurrent”. Metaplot of “Evgeny Onegin”]. *Voprosy literatury*, 2022, no. 1, pp. 13–55. (in Russ.)

Информация об авторе

Михаил Яковлевич Дымарский, доктор филологических наук, профессор
Scopus Author ID 57131173400
WoS Researcher ID M-8002-2016

Information about the Author

Mikhail Ya. Dymarsky, Doctor of Sciences (Philology), Professor
Scopus Author ID 57131173400
WoS Researcher ID M-8002-2016

*Статья поступила в редакцию 21.01.2024;
одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 30.01.2024
The article was submitted on 21.01.2024;
approved after reviewing on 30.01.2024; accepted for publication on 30.01.2024*